

Кармила

Автор:

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Кармила

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Всемирная литература

В изолированном от внешнего мира замке, глубоко в австрийских лесах Штирии, Лора ведет уединенную жизнь со своим отцом и немногочисленными слугами. Однажды лунной ночью в поле разбивается карета, везущая нежданного гостя – красавицу Кармиллу. Лора и отец приглашают ее остаться у них, пока она не поправится. Прекрасная незнакомка принимает предложение. Вскоре начинают происходить странные события: Лора заболевает, ее состояние ухудшается с каждым днем, а по ночам мучают приступы удушья. После нескольких мучительных ночей юной Лоре предстоит узнать шокирующую правду о загадочной гостье.

«Кармила» – готическая новелла 1872 года ирландского писателя Джозефа Шеридана Ле Фаню и одно из первых произведений литературы о вампирах, написанная на четверть века раньше «Дракулы» Брэма Стокера (1897).

В издание также входит повесть «Тайна гостиницы “Парящий дракон”».

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Кармила

Joseph Sheridan Le Fanu

Carmilla

© Токарёва Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Кармила

Пролог

Рукопись, с которой вы сейчас познакомитесь, представил мне доктор Гесселиус. Он сопроводил ее пространным комментарием, в котором ссылается на свой трактат, посвященный весьма необычным явлениям. Данный труд войдет в один из томов собрания сочинений этого выдающегося ученого.

Доктор Гесселиус, со свойственной ему остротой ума и проницательностью, рассматривает упомянутые таинственные явления тщательно и разносторонне. Однако я решил опубликовать этот манускрипт всего лишь для развлечения заинтересованной публики и потому не стану забегать вперед и предвосхищать события, описанные их невольной свидетельницей, женщиной весьма рассудительной; по зрелом размышлении я также решил не предварять ее рассказ выдержками из сочинений высокоученого доктора, который полагает, что предмет настоящего изложения «затрагивает глубочайшие тайны бытия, а именно его двойственность и соответствующие промежуточные состояния».

Прочитав этот рассказ, я поспешил возобновить переписку с его автором, начатую доктором Гесселиусом много лет назад. К моему большому сожалению, оказалось, что дама, изложившая эту историю, недавно скончалась.

Однако вряд ли эта достойная леди могла бы добавить что-нибудь существенное к собственному рассказу, представленному здесь на суд читателя. Таинственные события, происшедшие с нею, описаны во всех подробностях и на редкость добросовестно.

Глава 1. Ужас моего детства

Много лет назад моя семья, не отличавшаяся ни громким именем, ни значительным состоянием, владела в Штирии небольшим замком, которые здесь называются «шлосс». В этой части света даже скромный доход позволяет своему обладателю жить на широкую ногу. Вряд ли у нас на родине мы считались бы людьми обеспеченными, однако здесь, получая восемь-девять сотен в год, наша семья не нуждалась ни в чем. Мой отец – англичанин, но я, хоть и ношу английское имя, никогда не бывала в Британии. Я была довольна своей простой размеренной жизнью и полагала, что все богатства мира не могли бы сделать ее роскошнее.

Мой отец состоял на австрийской службе, затем вышел в отставку и на доходы от родового поместья купил феодальный замок вместе с небольшим поместьем, на котором он стоит.

Трудно представить себе место более уединенное и живописное. Замок стоит на невысоком холме посреди леса. Со всех сторон его окружает ров, густо заросший белыми кувшинками. В прозрачной воде весело плещутся окуни, величаво плавают лебеди. Мимо подвесного моста, который на моей памяти ни разу не поднимался, вьется старинная узкая дорога. Перед воротами замка лес расступается, образуя уютную поляну. На правом краю ее, у самой опушки, журчит извилистый ручеек, убегающий в тенистую чащу леса. Через него перекинут горбатый мостик в готическом стиле.

Наш средневековый шлосс с фасадом, усеянным множеством окон, с причудливыми башенками и готической часовней отнюдь не нарушает спокойной красоты этих мест.

Я уже говорила, что замок наш расположен очень уединенно. Судите сами. Если смотреть из парадных дверей, то непроходимый лес тянется по правую руку на

пятнадцать миль, а по левую – на двенадцать. До ближайшей обитаемой деревни около семи английских миль. Ближайший населенный шлосс, также довольно древний, принадлежит старому генералу Шпильсдорфу. До него около двадцати миль в противоположную сторону.

Я не случайно сказала «ближайшая ОБИТАЕМАЯ деревня». Неподалеку от замка, всего в трех милях западнее, то есть в направлении к шлоссу генерала Шпильсдорфа, стоит еще одна деревня, покинутая и разрушенная. Посреди нее возвышается причудливая древняя церковь с давно обрушившейся крышей. В проходе этой церкви можно разглядеть почти сровнявшиеся с землей древние могилы. Здесь похоронены члены старинного знатного рода Карнштайнов, ныне пресекшегося. Это семейство когда-то владело замком, столь же уединенным, как и наш. Развалины его и поныне гордо возвышаются над чащей непроходимого леса.

Существует старинная легенда, объясняющая, почему жители покинули это печальное место. Я расскажу ее немного позже.

А теперь попробуйте представить себе, сколь малочисленно было общество обитателей нашего замка. Я не включаю сюда слуг и работников, что занимали комнаты в домиках, примыкавших к наружной стене шлосса. Слушайте и удивляйтесь! В замке жил мой отец, добрейший человек на свете, однако годы его, к сожалению, уже начали брать свое; и я – к началу описываемых событий мне исполнилось девятнадцать. С тех пор минуло восемь лет. Мы с отцом и составляли всю семью владельцев замка. Мать моя, родом из Штирии, умерла, когда я была совсем маленькой девочкой; меня воспитала гувернантка, женщина веселая и добродушная, находившаяся при мне неотлучно с самого раннего детства. Я не могу припомнить дня, чтобы над моей кроватью не склонялось ее улыбчивое круглое лицо. Звали ее мадам Перродон. Своей заботой и добрым нравом она отчасти заменила мне мать, которая умерла так рано, что я почти ее не помню. Четвертой за нашим обеденным столом была мадемуазель де Лафонтен, служившая у нас, как говорится в Англии, «домашней учительницей». Она говорила по-французски и по-немецки, мадам Перродон, уроженка Берна, – по-французски и немного по-английски; если добавить сюда наш с отцом английский, на котором мы говорили отчасти для того, чтобы не забыть его совсем, отчасти – из патриотических побуждений, то можно себе представить, какое вавилонское смешение языков звучало у нас за обеденным столом. Гости посмеивались над нашим разноязыким говором; в своем рассказе я не стану и пытаться воспроизвести его. Время от времени нас посещали две-

три юные леди приблизительно одних со мной лет; иногда я наносила им ответные визиты.

Таким было наше обычное светское общество; случалось, конечно, что к нам наезжали с визитами соседи, живущие «неподалеку», всего лигах в пяти-шести. Так что, можете поверить, временами мне бывало очень одиноко.

Гувернантки мои, как вы сами догадываетесь, имели надо мной ровно столько власти, сколько могут иметь благоразумные особы над избалованной девчонкой, вдовствующий отец которой позволяет практически все, что ей заблагорассудится.

Первое яркое воспоминание, так и не изгладившееся из моей памяти, связано с ужасным происшествием, поразившим меня до глубины души. Кое-кто, может быть, посчитает этот случай настолько незначительным, что не стоило бы и упоминать о нем здесь. Однако вскоре вы поймете, почему я об этом рассказываю. Комнату мою называли детской, хотя занимала ее я одна; эта просторная зала располагалась на верхнем этаже замка, под наклонной дубовой крышей. Однажды, когда мне было лет шесть, я проснулась среди ночи и, сидя на кровати, оглядела комнату; нигде не было ни нянюшки моей, ни горничной. Мне стало очень одиноко, но я не испугалась; я была из тех счастливых детей, которым не забивали голову ни страшными сказками, ни историями о привидениях, ни прочей ерундой, из-за которой несчастные дети прячутся под подушку, едва скрипнет дверь или гаснущая свеча отбросит на стену причудливую пляшущую тень. Я не испугалась, но решила, что про меня все забыли; я обиделась и захныкала, готовясь зареветь во весь голос. Тут я, к своему удивлению, заметила, что у кровати стоит молодая леди, очень привлекательная, и смотрит на меня без улыбки, но не сердито. Она стояла на коленях, руки ее были прикрыты одеялом. Она мне понравилась, и я перестала хныкать. Руки ее ласкали меня; она легла на кровать, улыбнулась и обняла меня. Мне стало очень хорошо, я успокоилась и тотчас заснула. Проснулась я от резкой боли: мне почудилось, что в грудь вонзились две острые иголки. Я громко вскрикнула. Незнакомая леди отскочила, не сводя с меня глаз, и соскользнула на пол. Мне показалось, что она спряталась под кроватью.

Только тут я по-настоящему испугалась и завопила что есть мочи. На крик сбежались служанки, нянюшка, экономка. Выслушав мой сбивчивый рассказ, они не отнеслись к нему всерьез и принялись, как умели, меня успокаивать. Но я, хоть и была ребенком, все же заметила, что они встревожились и побледнели.

Служанки бросились обыскивать комнату: шарили под кроватью, заглядывали под столы, открывали шкафы. Я услышала, как экономка шепнула нянюшке: «Пощупай эту вмятину на постели: как пить дать, тут кто-то лежал. Простыня до сих пор теплая».

Горничная погладила меня по голове; нянюшки внимательно осмотрели мою грудь, там, где я почувствовала уколы, и в один голос заявили, что на коже не осталось никаких следов.

Экономка и две горничные просидели со мной до утра. С того дня и до четырнадцати лет со мной в детской обязательно оставалась на ночь одна из служанок.

После этого происшествия нервы мои долго пошаливали. Ко мне позвали доктора, очень старого и бледного. Хорошо помню его длинное угрюмое лицо, тронутое оспой, пышный каштановый парик. Он приходил ко мне через день и давал лекарство, которое я, разумеется, терпеть не могла.

Наутро я места себе не находила от страха, даже при свете дня боялась хоть на миг остаться одна.

Помню, как в детскую зашел отец; он стоял возле кровати и ласково разговаривал со мной. Потом он задал несколько вопросов нянюшке и от души рассмеялся над каким-то из ее ответов. Он похлопал меня по плечу, поцеловал и велел ничего не бояться: это всего лишь сон, со мной не случилось ничего дурного.

Но меня это не утешило: я-то знала, что визит странной дамы – не сон.

Горничная пыталась уверять меня, что это она заходила в детскую, смотрела на меня и прилегла рядом; должно быть, я в полусне не узнала ее лица. Ей вторила и нянюшка, однако меня эти объяснения до конца не убедили.

В тот же день приехал старый священник в черной сутане. Он вошел в комнату в сопровождении нянюшки и экономки, задал им несколько вопросов и очень ласково поговорил со мной. Лицо у него было доброе и спокойное. Он сказал, что мы будем вместе молиться, соединил мои руки и велел тихо повторять: «Господи, услышь наши молитвы, Христа ради». Думаю, я точно запомнила эти

слова, потому что часто твердила их про себя, а нянюшка долгие годы учила меня заканчивать ими молитвы.

Хорошо помню доброе задумчивое лицо седовласого священника в черной сутане. Он стоял посреди мрачной полутемной комнаты на чердаке, обставленной неуклюжей мебелью по моде трехсотлетней давности. Через зарешеченное окно едва пробивался тусклый луч света. Священник опустил на колени, все три женщины последовали его примеру, и он принялся дрожащим голосом читать молитвы. Молился он трепетно и, как мне показалось, очень долго. Я не помню ничего, что предшествовало этому событию, не помню и многого из того, что случилось позже. Однако сцены, описанные мною, живо стоят у меня перед глазами, подобно ярким фантасмагорическим картинам, выхваченным из мрака.

Глава 2. Гостья

А теперь я расскажу историю такую необычайную, что вам трудно будет в нее поверить. Тем не менее все рассказанное здесь – чистая правда; я видела эти события собственными глазами.

Стоял теплый летний вечер. Отец пригласил меня немного погулять по лесу. Мы часто выходили полюбоваться живописными окрестностями, расстилавшимся вокруг замка. Приблизившись к опушке, отец произнес:

– Генерал Шпильсдорф обещал навестить нас, но, к сожалению, его визит задерживается. Он прибудет гораздо позже, чем я ожидал.

Генерал собирался погостить у нас несколько недель, и мы ожидали его приезда со дня на день. Он намеревался представить нам мадемуазель Рейнфельдт, племянницу, находившуюся на его попечении. Я ни разу не видела эту юную леди, но слышала о ней самые лестные отзывы и надеялась, что ее компания внесет приятное разнообразие в мою жизнь. Девушка, живущая в городе и постоянно вращающаяся в обществе, вряд ли поймет, как огорчило меня это известие. Я много дней с нетерпением ждала приезда генерала и знакомства с его очаровательной воспитанницей.

– А когда он приедет? – спросила я.

– Не раньше осени. Полагаю, месяца через два, – ответил отец. – И я рад, дорогая, что ты так и не успела познакомиться с мадемуазель Рейнфельдт.

– Почему? – спросила я, огорчившись и в то же время сгорая от любопытства.

– Бедняжка умерла, – ответил отец. – Сегодня вечером я получил письмо от генерала. Извини, что не сказал об этом сразу, но тебя в это время не было в комнате.

Я была потрясена до глубины души. В первом своем письме, полученном шесть или семь недель назад, генерал Шпильсдорф сообщал, что племянница немного захворала, но полагал, что в ее нездоровье нет ни малейшей опасности.

– Вот письмо генерала. – Отец протянул мне конверт. – Мой бедный друг совсем потерял голову от горя. Судя по письму, он близок к помрачению рассудка.

Мы сели на простую деревянную скамью, укрытую под сенью раскидистых лип. Природа дышала печальным великолепием. Солнце скрывалось за лесом, окрашивая в алый цвет искрящуюся поверхность ручейка, что протекал около замка. Багряный поток с плеском вырывался из-под крутого мостика, струился, журча и извиваясь, среди могучих деревьев и плескался почти у самых наших ног. Я прочитала письмо генерала Шпильсдорфа дважды – один раз про себя, второй раз вслух, – но все-таки не могла до конца понять его смысл, потому что во многих местах генерал сам себе противоречил. Эта лихорадочная записка горела таким искренним негодованием, таким пылом, что я вынуждена была согласиться с отцом – горе, по-видимому, помрачило рассудок генерала.

Письмо гласило: «Я потерял мою дорогую доченьку – да, я любил ее как дочь. В последние дни болезни моей милой Берты я не мог написать вам, потому что сам не осознавал, насколько серьезна грозящая ей опасность. Я потерял ее и наконец, слишком поздно, узнал все. Малышка скончалась в блаженном неведении, полная радужных надежд на счастье в загробной жизни. Всею виной злодейка, воспользовавшаяся нашим слепым гостеприимством. Я-то думал, что принимаю в дом девушку благонравную и порядочную, очаровательную подружку для моей бедной Берты. О небо! Как я был глуп! Благодарение Богу, моя крошка умерла, не подозревая, кто явился причиной ее

страданий. Она ушла в мир иной, даже не догадываясь о характере своей болезни и о гнусном пристрастии, обуревавшем виновницу наших бедствий. Весь остаток своих дней я посвящу тому, чтобы выследить и уничтожить это чудовище. Надеюсь, я сумею достичь своей благородной цели. Сейчас меня ведет по следу едва различимый луч света. Многие предупреждали меня о серьезности происходящего, но я ничему не верил. Теперь я проклинаю свое ослиное упрямство, слепоту, самоуверенность, но... слишком поздно. Я пребываю в глубоком нервном расстройстве и не способен связно рассказать о случившемся. Мысли мои блуждают. Как только поправлюсь, я намереваюсь целиком посвятить себя расследованию этого ужасного злодеяния. Возможно, расследование приведет меня в Вену. Если останусь в живых, то осенью, месяца через два, коли позволите, навещу вас и расскажу о том, что сейчас не осмеливаюсь доверить бумаге. Прощайте. Молитесь за меня, дорогой друг».

Так кончалось это странное письмо. Хотя я ни разу не встречала Берту Рейнфельдт, при известии о ее смерти глаза мои наполнились слезами.

Солнце уже село, сгущались сумерки. Я отдала отцу письмо генерала Шпильсдорфа.

Наступил ясный тихий вечер. Прохаживаясь среди деревьев, мы пытались разгадать смысл бессвязных фраз странного письма. Пройдя около мили, мы вышли на дорогу, ведущую к замку. Ярко светила луна. Неподалеку от подвесного моста мы встретили мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен – они вышли с непокрытыми головами погулять под лунным сиянием.

Подойдя ближе, мы услышали их голоса. Дамы оживленно переговаривались. Возле подвесного моста мы остановились, чтобы вместе полюбоваться живописными окрестностями.

Перед нами открывалась поляна, по которой мы только что прогуливались. По левую руку от нас дорога огибала куртины величественных деревьев и терялась в густой чаще, по правую – подбегала к горбатому мостику, возле которого высилась разрушенная башня, когда-то охранявшая древний путь. Сразу за мостиком вздымался крутой холм, поросший деревьями; в тени виднелись увитые плющом серые скалы.

В низинах над самой травой, скрадывая расстояние, тонкой дымкой стелился туман. Тусклыми лунными бликами поблескивал ручеек.

Вечер дышал тишиной и покоем. Лунный свет наполнял его колдовской загадочностью. На душе у меня было грустно, и природа словно печалилась вместе со мной, однако ничто не могло нарушить спокойного величия этих зачарованных далей.

Мы с отцом молчали, любуясь волшебным зрелищем. Наши добрые гувернантки, остановившись позади, вслух восторгались красотами пейзажа, вознося горячие хвалы магическому лунному свету.

Мадам Перродон, полная женщина средних лет, была романтической натурой. Она томно вздыхала, и речь ее звучала поэтически. Мадемуазель де Лафонтен, истинная дочь своего отца – он был немец, а следовательно, склонен к психологии, метафизике и отчасти к мистике – заявила, что в те ночи, когда луна светит необычайно ярко, как сейчас, наблюдается особая активность в духовной сфере. Полная луна может оказывать на людей самое неожиданное воздействие. Это воздействие проявляется в снах; некоторые люди, особенно нервные, могут впасть в лунатизм или даже в безумие. Неким волшебным образом луна физически связана с жизнью. Мадемуазель ссылалась на своего кузена, помощника капитана на торговом судне; он-де в такую же лунную ночь вздремнул на палубе, лежа на спине, и ему приснилась древняя старуха. Она вцепилась когтями ему в щеку и своротила лицо набок; он проснулся, но никогда уже не смог вновь обрести душевное равновесие. Лицо его так и осталось навсегда перекошенным.

– Сегодня ночью, – говорила она, – луна исполнена грозной магической силы. Оглянитесь на наш шлосс, посмотрите, как мерцают серебром его окна, словно невидимые руки зажгли свечи, чтобы принять гостей из потустороннего мира.

Я была в том расположении духа, когда человек не склонен ни о чем говорить сам, однако с удовольствием слушает, не вдумываясь, разговоры других. Прислушиваясь вполуха к беседе гувернанток, я мечтательно взглянула на замок.

– Что-то у меня невесело на душе, – молвил отец и, помолчав, процитировал Шекспира, которого он, дабы мы не забыли английского языка, часто читал

вслух:

«Печаль, как тяжесть, грудь мою гнетет.

Прибавь свою – ты увеличишь гнет;

Своей тоской – сильнее меня придавишь»[1 - Пер. Т. Щепкиной-Куперник.].

– Дальше я не помню. Но, сдаётся мне, на нас надвигается какое-то несчастье. Возможно, это связано с письмом бедняги генерала.

В этот миг на дороге послышался топот лошадиных копыт и стук колес, звук, весьма непривычный в наших краях.

Звук донесся из-за холма, нависающего над мостиком; вскоре показался и сам экипаж. Сначала через мост проехали два всадника, затем – карета, запряженная четверкой лошадей, с лакеями на запятках; еще два всадника скакали позади.

Дорожный экипаж, по-видимому, принадлежал высокопоставленной особе. Мы не отрываясь глядели на столь необычное зрелище. Однако через несколько мгновений события приняли угрожающий оборот: когда экипаж достиг вершины полукруглого мостика, одна из передних лошадей, испугавшись, понесла; паника охватила и остальных лошадей. Вся упряжка бешеным галопом рванулась вперед и, проскочив между всадниками, с быстротой урагана помчалась по дороге в нашу сторону.

Мы пришли в ужас: из окна кареты доносился пронзительный женский крик.

Мы поспешили навстречу; отец бежал молча, мы же вскрикивали от испуга.

Развязка наступила очень скоро. На пути у кареты, неподалеку от подъемного моста, возле дороги растет огромная липа, напротив нее, по другую сторону дороги, стоит древний каменный крест. При виде креста лошади, скакавшие с невообразимой быстротой, рванулись вбок. Теперь карета мчалась прямо на выступающие из земли корни дерева.

Я поняла, что должно вот-вот произойти. Я закрыла глаза и отвернулась. В тот же миг гувернантки громко вскрикнули.

Я приоткрыла глаза: вокруг царило ужасное смятение. Две лошади лежали на земле, карета опрокинулась, и два колеса вращались в воздухе. Слуги торопливо выпрягали лошадей. Возле кареты стояла дама весьма величественного вида. Она заламывала руки и то и дело прижимала к глазам носовой платок. Через дверь экипажа вынесли молодую девушку; она не проявляла признаков жизни. Мой добрый отец со шляпой в руке уже стоял возле старшей дамы, очевидно, предлагая ей помощь. Дама, казалось, не слышала его. Она не сводила глаз с худощавой девушки, которую усадили на скамью.

Я подошла ближе. Девушка, по-видимому, была в обмороке, но, несомненно, жива. Отец, гордившийся своими познаниями в медицине, взял девушку за руку и заверил даму, представившуюся ее матерью, что пульс ее, неравномерный и довольно вялый, все же хорошо различим. Дама пожала ему руку и благодарно воздела глаза. Манеры у нее были театральными; это свойственно многим людям, считающим, видимо, такое поведение естественным.

Она, как говорится, неплохо сохранилась для своего возраста и, похоже, в молодости была даже красива: высокая, но не худая, в черном бархатном платье, она побледнела от волнения, но держалась величаво и уверенно.

– Способен ли человек выдержать все несчастья, обрушившиеся на меня? – вопрошала она, заламывая руки. – Я совершаю поездку по делу необычайной важности, и от задержки всего на час может зависеть жизнь или смерть. Мое дитя еще Бог знает сколько времени не сможет оправиться от потрясения и продолжать путешествие. Я вынуждена ее покинуть; клянусь, обстоятельства не позволяют мне задержаться надолго. Скажите, сэр, далеко ли до ближайшей деревни? Мне придется оставить мою дочь там; я не увижу ее и даже не получу о ней весточки еще три месяца, до самого моего возвращения. О, горе!

Я потянула отца за полу сюртука и горячо зашептала ему на ухо:

– О, папа, прошу тебя, пригласи девушку остаться у нас, это было бы так чудесно. Пригласи, пожалуйста.

– Мадам, вы окажете нам честь, если доверите свое дитя заботам моей дочери и ее гувернантки, мадам Перродон, и позвольте ей до вашего возвращения быть гостьей в нашем замке. Мы будем ухаживать за ней со всей самоотверженностью и относиться с почетом, какого заслуживает столь знатная леди.

– Я не могу, сэ, злоупотреблять вашей добротой и галантностью, – в замешательстве ответила дама.

– Напротив, мадам, вы окажете нам большую услугу, и мы будем вам премного обязаны. Моя дочь только что получила известие о том, что визит, которого она с нетерпением ожидала, не состоится, и очень расстроена. Если вы доверите юную леди нашему попечению, вы весьма ее утешите. До ближайшей деревни довольно далеко, и там нет гостиницы, в которой вы могли бы оставить дочь. К тому же ей, как вы видите, опасно продолжать путь. Если вы действительно не можете задержаться, оставьте ее у нас, и, уверяю вас, нигде ваша дочь не встретит столь нежной и почтительной заботы.

Дама держалась с большим достоинством и даже внушительно; роскошное убранство ее экипажа и изысканность манер давали понять, что их обладательница занимает высокое положение в обществе.

К этому времени слуги уже починили карету, успокоили и снова запрягли лошадей.

Высокородная дама окинула дочь взглядом, исполненным, как мне показалось, далеко не столь горячей любви, как можно было ожидать. Она поманила отца рукой и отошла с ним на пару шагов в сторону. Взгляд ее помрачнел, лицо стало суровым и замкнутым. Остановившись там, где я не могла их слышать, она сказала отцу несколько слов.

Мне показалось странным, что отец, видимо, не заметил произошедшей с ней перемены. К тому же мне очень захотелось узнать, о чем она так горячо и торопливо шептала ему чуть ли не на ухо.

Они беседовали две или три минуты, затем дама подошла к дочери, лежавшей на скамейке в объятиях мадам Перродон, опустилась на колени и прошептала ей, как показалось мадам, короткое наставление, затем торопливо поцеловала,

села в карету и захлопнула дверь. Лакеи в парадных ливреях заняли свои места на запятках, форейторы вскочили на лошадей, кучер взмахнул кнутом, лошади галопом рванулись вперед, и процессия, завершаемая двумя всадниками, вскоре исчезла из виду.

Глава 3. Мы обмениваемся впечатлениями

Мы проводили кортеж глазами. Карета скрылась в лесном тумане, вскоре стих топот копыт и стук колес.

Над лесом снова воцарилась тишина. Ничто не напоминало о случившемся, за исключением юной леди, которая как раз в тот миг открыла глаза. Я не видела ее лица, но заметила, что она подняла голову, растерянно озираясь, и жалобно спросила:

– А где мама?

Наша добрая мадам Перродон ласковым голосом рассказала ей о том, что произошло, и поспешила уверить, что все будет в порядке.

– Где я? Что это за место? – растерянно спрашивала девушка. Затем добавила: – И где экипаж? Где Матска?

Мадам, как могла, ответила на все ее вопросы. Постепенно бедная девушка вспомнила о несчастном случае и была рада узнать, что никто из пассажиров и слуг не пострадал; услышав, что мама оставила ее здесь и вернется только через три месяца, она заплакала.

Я хотела подойти, но мадемуазель де Лафонтен положила руку мне на плечо:

– Подожди, дитя мое, сейчас она не в силах разговаривать более чем с одним человеком сразу; даже такое легкое волнение для нее чрезмерно. Пусть ее успокоит мадам Перродон.

Как только ее уложат в постель, решила я, поднимусь к ней и познакомлюсь.

Тем временем отец послал верховного слугу за доктором, жившим в двух лигах от нас. К прибытию юной леди подготовили спальню.

Незнакомка поднялась и, опираясь на руку мадам Перродон, медленно перешла через подвесной мост и вступила в ворота замка.

Служанки, ожидавшие в парадной, проводили ее в спальню.

Комната, служившая нам гостиной, выходила четырьмя окнами на ров и подвесной мост. Вдали виднелся лесной пейзаж, который я уже описывала.

Гостиная была обставлена старинной мебелью резного дуба, с большими шкафами и креслами, обтянутыми красным утрехтским бархатом. Стены были украшены гобеленами, вставленными в большие золоченые рамы. Фигуры на гобеленах изображались в полный рост. Герои в причудливых старинных костюмах охотились с собаками, с ястребами, веселились на праздниках. Гостиная не выглядела чересчур торжественно и потому была необыкновенно уютна; здесь мы обычно пили чай, так как отец из патриотических чувств настаивал, чтобы наш национальный напиток, наряду с шоколадом и кофе, регулярно появлялся на столе.

Этой ночью мы зажгли свечи и принялись обсуждать случившееся.

Наше общество разделяли мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен. Юная незнакомка легла в постель и тотчас же крепко заснула; дамы оставили ее на попечение служанки.

– Как вам нравится наша гостья? – спросила я, как только мадам Перродон вошла в гостиную. – Расскажите мне о ней.

– Очень милая девушка, – ответила мадам. – Никогда еще не встречала столь очаровательное создание. Она приблизительно ваших лет, очень красивая и приятная.

– Настоящая красавица, – подтвердила мадемуазель де Лафонтен, заглянувшая на минуту в комнату незнакомки.

– А какой у нее нежный голос! – добавила мадам Перродон.

– Вы заметили, что в экипаже была еще одна женщина? – спросила мадемуазель. – Она так и не вышла, даже когда карету ставили на колеса. Только выглянула из окна.

Никто ее не заметил.

Мадемуазель описала чернокожую великаншу ужасного вида; она глазела из окна кареты, ухмыляясь и кивая головой, увенчанной пестрым тюрбаном. Негритянка сверкала белками огромных глаз и скалила зубы, словно в ярости.

– А какие отвратительные у нее слуги! – промолвила мадам Перродон.

– Точно, – откликнулся отец, входя в гостиную. – Сборище висельников. Надеюсь, они не ограбят несчастную леди в лесу. Отъявленные мошенники, но свое дело знают: быстро привели экипаж в порядок.

– Полагаю, они просто устали после долгого путешествия, – заметила мадам. – Мало сказать, что они гнусно выглядят; лица у них какие-то тощие и темные, глядят угрюмо. Не нравится мне это; надеюсь, завтра молодая леди поправится и все разъяснит.

– Вряд ли она захочет что-то рассказывать, – с загадочной улыбкой возразил отец и чуть кивнул, словно знал намного больше, чем мог сообщить.

Его намеки заинтриговали меня, и мне еще сильнее захотелось узнать, о чем столь горячо говорила ему перед отъездом дама в черном бархатном платье.

Едва мы остались одни, как я попросила отца рассказать мне обо всем. Мне не пришлось долго уговаривать его.

– Нет никаких причин скрывать это от тебя. Она сказала, что не хочет обременять нас заботами о своей дочери, потом заявила, что дочь ее – создание нервное, слабого здоровья, однако не страдает припадками никакого рода и находится во вполне здравом рассудке. Она сама заговорила об этом, я ни о чем не спрашивал.

– Странно! – заметила я. – Зачем ей нужно было об этом упоминать?

– Как бы то ни было, что сказано, то сказано, – рассмеялся отец. – И раз уж ты хочешь знать все, тебе осталось услышать совсем немного. Дама сказала: «Я еду по делам ЖИЗНЕННОЙ важности, – она подчеркнула это, – по делам тайным и неотложным. Я вернусь за дочерью через три месяца. До тех пор она не расскажет вам, кто мы такие, откуда прибыли и куда направляемся». Вот и все. Она очень плохо говорит по-французски. Сказав, что их поездка «тайная», она замолчала на несколько секунд и глядела на меня очень сурово. Наверно, для нее это очень важно. Ты сама видела, как поспешно она уехала. Надеюсь, я не сделал большой глупости, взяв на попечение эту юную леди.

Я же, со своей стороны, была в восторге. Мне не терпелось увидеть гостью и поговорить с ней, и я ждала, пока доктор разрешит мне подняться в ее спальню. Вы, городские жители, не представляете, насколько важным событием в моей одинокой жизни может стать появление новой подруги.

Доктор прибыл около часа ночи, однако мне совсем не хотелось спать. Лечь в постель, когда наверху ждет таинственная гостья? Ну уж нет, скорее бы мне вздумалось пешком догонять экипаж, в котором уехала дама в черном бархате.

Спустившись в гостиную, доктор сообщил, что пациентка находится в добром здравии. Она уже села, пульс у нее устойчивый и равномерный. Она не получила никаких телесных повреждений, лишь небольшое нервное потрясение, которое вскоре пройдет бесследно. Ей не повредит, если я навещу ее, разумеется, с ее согласия. Получив разрешение доктора, я послала горничную спросить, позволит ли гостья заглянуть к ней на несколько минут.

Горничная тотчас вернулась с ответом. Незнакомка горячо желала увидеться со мной.

Разумеется, я не заставила себя ждать.

Нашу гостью уложили в одной из красивейших комнат шлосса. Обстановка в ней была, пожалуй, немного тяжеловатой. У изножья кровати висел темный гобелен, изображавший Клеопатру со змеей на груди. Чуть поблекшие гобелены на другой стене также представляли классические сцены. Однако мрачноватый колорит старинных ковров уравновешивался золоченой резьбой деревянных рам

и яркими красками прочих украшений.

Возле кровати горели свечи. Незнакомка сидела; мягкая шелковая ночная рубашка, расшитая цветами, облегла стройную фигурку. Ноги были прикрыты шелковым стеганым одеялом, которое мать набросила на нее в лесу.

Я подошла к ее кровати и хотела поприветствовать, но что это? Слова застряли у меня в горле, я ахнула и отшатнулась.

А случилось вот что. Я увидела то самое лицо, что стояло у меня перед глазами с детства, что когда-то склонилось над моей кроватью, то самое лицо, которое я много лет вспоминала с ужасом, но никто не подозревал, что у меня на душе.

Девушка была хорошенькая, даже красивая. В первый миг лицо ее было таким же печальным, каким я его запомнила.

Но в следующую секунду оно озарилось странной неподвижной улыбкой: она меня узнала.

Мы молчали, наверное, с минуту, затем заговорила она. У меня же по-прежнему не было сил раскрыть рот.

– Вот чудо! – воскликнула гостья. – Двенадцать лет назад я видела ваше лицо во сне; оно навеки запечатлелось в моей памяти.

– Действительно, чудо! – откликнулась я, пытаюсь справиться с ужасом, лишившим меня дара речи. – Двенадцать лет назад я тоже видела вас, не знаю, во сне или наяву. Я не могу забыть ваше лицо. Оно стоит у меня перед глазами.

Улыбка ее смягчилась. Странное выражение исчезло; лицо светилось очарованием, ямочки на щеках придавали ей рассудительный вид.

Я почувствовала себя увереннее и повела разговор в более гостеприимном ключе: поприветствовала гостью и сообщила, сколько радости доставил ее неожиданный визит нам всем, а в особенности мне.

При этих словах я взяла ее за руку. Подобно всем людям, выросшим в одиночестве, я отличаюсь робостью, но тут почувствовала себя раскованнее и даже осмелела. Она сжала мою руку, накрыла ее своей, глаза ее заблестели, она опять улыбнулась и покраснела.

Гостья вежливо ответила на мое приветствие. Не переставая удивляться, я присела на кровать возле нее. Она сказала:

– Я расскажу вам сон, в котором мне явились вы. Как странно, что видения эти были столь яркими; странно и то, что случилось это в детстве, но видели мы друг друга такими, какими стали сейчас. Мне было лет шесть; однажды ночью мне приснился тревожный сон, я проснулась и увидела, что нахожусь в какой-то незнакомой комнате, совершенно не похожей на мою детскую; она была обставлена тяжелыми шкафами и кроватями, между ними располагались массивные кресла и скамьи. Стены были обшиты панелями темного дерева. Мне почудилось, что на кроватях никто не спит, да и в комнате, казалось, никого не было, кроме меня. Некоторое время я озиралась по сторонам; особенно понравился мне железный канделябр на две свечи – я наверняка узнаю его, если увижу еще раз. Мне захотелось пробраться к окну, и я заползла под одну из кроватей, но, выглянув из-под нее, услышала чей-то плач; стоя на коленях, я подняла глаза и увидела вас. Да, я уверена, это были вы: красивая девушка с золотыми волосами и огромными голубыми глазами, и губы – у нее были ваши губы. Вы были такая же, как сейчас, я видела вас так же отчетливо. Вы мне очень понравились; я забралась на кровать и обняла вас; мы обе уснули. Разбудил меня громкий крик; вы сидели и пронзительно визжали. Я испугалась, соскользнула на пол и, как мне показалось, на миг потеряла сознание. Очнулась я дома, у себя в детской. С тех пор я не могла забыть ваше лицо. Я не обозналась – вы та самая леди, которую я видела.

Наступил мой черед рассказывать сходное видение, что я и сделала, к нескрываемому изумлению моей новой знакомой.

– Трудно сказать, кто из нас кого напугал, – улыбнулась она. – Будь вы не такая красивая, я бы наверно, очень испугалась; но мы были детьми, и теперь у меня такое чувство, словно я познакомилась с вами двенадцать лет назад и потому могу называть себя вашей близкой подругой; как бы то ни было, нам, видимо, с раннего детства предначертано подружиться. Интересно, чувствуете ли вы ко мне то же необъяснимое притяжение, что и я к вам? У меня никогда не было подруги – не согласитесь ли ею стать? – Она вздохнула, взгляд ее прекрасных

темных глаз пылал страстью.

Честно говоря, я испытывала к прелестной незнакомке странные двойственные чувства. Меня в самом деле, как она выразилась, «необъяснимо притягивало» к ней, но к этому подмешивалась и некоторая доля отвращения. Однако притяжение явно преобладало. Ее красота и бесконечное обаяние вызывали во мне жгучий интерес и мало-помалу покорили меня.

Гостья томно откинулась на подушки; я почувствовала, что она устала, и поспешила пожелать ей доброй ночи.

– Доктор рекомендует, – добавила я, – чтобы с вами на ночь осталась горничная. Одна из наших служанок уже ждет за дверью; вы сами убедитесь, что она девушка исполнительная и вам не помешает.

– Очень любезно с вашей стороны, однако я не могу уснуть, если в комнате кто-то есть. Помощь мне не нужна. Простите великодушно мою слабость, но я всегда запираю на ночь дверь. Однажды наш дом ограбили, убили двух слуг, поэтому я ужасно боюсь воров. Я вижу, ключ торчит в замке; я вас не потревожу. Это вошло в привычку; умоляю, не сердитесь на меня.

На мгновение она крепко обняла меня и прошептала:

– Спокойной ночи, дорогая; до чего трудно с вами расстаться, однако пора. Увидимся завтра утром, только не слишком рано.

Не сводя с меня мечтательно-восторженного взгляда, она с глубоким вздохом откинулась на подушки и снова шепнула:

– Спокойной ночи, дорогая.

В молодости мы часто заводим друзей и даже влюбляемся с первого взгляда. Ее восторженность льстила мне, хоть я и не понимала, чем она вызвана. Мне нравилось, что она сразу же доверила мне тайну своего детства. Да, ей, видимо, суждено стать моей самой близкой подругой.

Назавтра мы встретились снова. Моя новая подруга казалась мне очаровательным созданием.

При свете дня ее черты отнюдь не поблекли – я по-прежнему считала, что в жизни не встречала девушки красивее. Неприятные ассоциации, оставшиеся в памяти с детства, уже не отталкивали так сильно, как в первое мгновение.

Она призналась, что, впервые увидев меня, испытала не меньшее потрясение и, возможно, такую же смутную неприязнь. Мы вместе посмеялись над нашим взаимным испугом.

Глава 4. Ее привычки. Прогулка

Как я уже говорила, меня восхищала в ней каждая мелочь.

Но многое не нравилось.

Начну с описания ее внешности. Для женщины она была выше среднего роста, стройная и удивительно грациозная. Двигалась она медлительно и томно; ничто не указывало на нездоровье, кроме некоторой вялости. Большие темные глаза озаряли удлинённое лицо с правильными мелкими чертами. По плечам рассыпались роскошные волосы, изумительно мягкие, чудесного темно-каштанового цвета с золотым отливом. Рассказывая о чем-нибудь своим нежным бархатистым голосом, она откидывалась в кресле, и волосы окутывали ее темным облаком. Я часто запускала пальцы в пышные локоны, дивясь их густоте и тяжести. Мне нравилось играть с пушистыми прядями, заплетать и расплетать косы. О небо! Если бы я знала!

Как я уже говорила, мне нравилось в ней далеко не все. Да, действительно, в ночь нашей встречи она доверила мне тайну своего детства, и это меня покорило; но с тех пор, стоило мне завести разговор о ней самой, ее семье, матери, прошлом, обо всем, что касалось ее жизни, планов и окружения, она всегда оказывалась настороже. Пожалуй, я расспрашивала ее чересчур настойчиво; наверно, следовало бы уважать торжественное обещание, взятое с отца статной дамой в черном бархате. Но любопытство не знает покоя и

шепетильности; какая девушка стерпит, если подруга скрывает от нее все? Что плохого в том, если она расскажет мне о себе? Или она не верит в мою добропорядочность? Почему она мне не доверяет, ведь я дала ей честное слово, что до последнего вздоха ни словом не обмолвлюсь о ее секретах?

Порой, когда она с грустной улыбкой отказывалась дать мне хоть лучик надежды, мне казалось, что она холодна не по годам.

Нельзя сказать, что мы ссорились из-за этого, потому что она вообще не умела ссориться. Я понимала, что веду себя просто настырно, но ничего не могла с собой поделать. Однако она оставалась непоколебимой.

Что она мне сказала? По моему бессовестному разумению – ничего.

Все, что я о ней узнала, можно свести к трем пунктам.

Во-первых, ее зовут Кармила.

Во-вторых, она принадлежит к древнему и знатному роду.

В-третьих, ее родина находится где-то на западе.

Она не сообщила мне ни родового имени, ни названия поместья, не рассказала о том, что изображено на их гербе, даже не назвала страну, откуда она родом.

Только не думайте, что я постоянно приставала к ней с расспросами. Я предпочитала не идти напролом, а действовать исподволь, поджидать удобного случая, когда бдительность ее ослабеет. Раз или два я пыталась расспрашивать ее напрямик. Но, какую бы тактику я ни избрала, результат оставался одним и тем же. Не помогала ни лесть, ни упреки. Однако надо заметить, что, уходя от ответа, она так меланхолично опускала глаза, так страстно заверяла, что любит меня, верит в мою честность, так искренне обещала, что, когда настанет время, я узнаю все, что у меня не было сил долго на нее обижаться.

Она часто обвивала мне шею своими изящными руками, прижималась щекой к щеке и шептала, щекоча мне ухо губами: «Дорогая, у тебя в сердечке рана; не подумай, что я жестока, ибо и в силе, и в слабости я подчиняюсь неодолимому

закону моей души. Твое милое сердечко ранено, и мое кровоточит вместе с твоим. В экстазе глубочайшего унижения я живу у тебя в крови, и ты умрешь – да, дорогая, умрешь самой сладкой смертью, умрешь ради меня. Я ничего не могу поделать; чем ближе я к тебе, тем дальше ты от меня уходишь; вот ты и познала этот жестокий восторг, именуемый любовью. Поэтому до поры до времени не пытайся ничего узнать, просто верь мне, верь всем своим любящим сердечком».

После таких страстных излияний она, трепеща, обнимала меня еще крепче и покрывала мои щеки горячими нежными поцелуями.

Я не могла понять, что приводит ее в такое возбуждение. Надо признать, это случилось с ней не слишком часто.

Я пыталась высвободиться из этих нелепых объятий, но силы, казалось, изменяли мне. Шепот ее журчал у меня в ушах, как колыбельная, я теряла волю и впадала в забытие, из которого выходила только после того, как она разжимала объятия.

Эта непонятная влюбленность мне не нравилась. Я ощущала странное, в чем-то даже приятное волнение, к которому примешивался страх и некоторая доля отвращения. В продолжение этих сцен я была неспособна мыслить отчетливо, однако испытывала что-то вроде влюбленности, перерастающей в обожание и, с другой стороны, в ненависть. Понимаю, это звучит сумбурно, однако не могу по-другому описать свои чувства.

Прошло уже более десяти лет, но до сих пор рука моя дрожит, когда я пишу эти строки. Мне стыдно и страшно вспоминать о некоторых происшествиях, об испытаниях, через которые я проходила, сама того не сознавая; они невольно стираются из моей памяти. Однако основная линия моей истории запомнилась ярко и отчетливо. Вероятно, в жизни каждого человека можно найти эпизоды, когда все чувства его находятся в бурном смятении, и окажется, что именно эти эпизоды прячутся на самом дне памяти и забываются быстрее всего.

Бывало, моя загадочная подруга целый час сидела неподвижно, затем брала меня за руку и страстно сжимала, томно вглядываясь мне в лицо. Щеки ее пылали, глаза вспыхивали темным огнем, грудь возбужденно вздымалась. Она становилась похожа на снедаемого страстью влюбленного. Я приходила в

смятение, ненавидела ее и все же не могла сопротивляться. Взгляд ее гипнотических глаз завораживал меня, на щеках горели жаркие поцелуи. Едва не плача, она шептала: «Ты моя, будешь моей, мы едины навеки». Затем откидывалась в кресле и прикрывала глаза руками, а я едва не падала в обморок, трепеща от ужаса.

Часто я спрашивала:

– Что между нами происходит? Почему ты так себя ведешь? Может быть, я напоминаю тебе давнего возлюбленного? Но знай, мне это не нравится. Я тебя не понимаю... я сама себя не понимаю, когда ты так смотришь на меня.

Она тяжело вздыхала, отворачивалась и выпускала мою руку.

Я не считала эти непонятные излияния ни притворством, ни шуткой и блуждала во мгле, пытаюсь найти им удовлетворительное объяснение. Это было похоже на взрыв, словно тщательно подавляемые инстинкты против ее воли вырывались наружу. Может быть, несмотря на непрошенные уверения матери, она все же страдала припадками безумия? А может быть, она влюблена в меня и скрывает свое истинное лицо? Может быть, влюбленный юноша переоделся в женское платье и с помощью старой опытной авантюристки пробрался к нам в дом? Я читала о таких случаях в старинных романах. Но, хоть эта гипотеза и льстила моему тщеславию, слишком многое ее опровергало.

Да, она часто, подобно влюбленному мужчине, оказывала мне знаки восторженного внимания. Но между этими порывами страсти она вела себя совсем обычно, то веселилась, то тосковала. Иногда я ловила на себе ее взгляд, полный грустного огня, но временами меня для нее будто не существовало. Если не считать этих приступов загадочного возбуждения, в остальном ее поведение было вполне женственным; во всех ее манерах сквозила вялая томность, трудносовместимая с представлением о мужском телосложении.

Во многом ее привычки казались нам странными. Может быть, городская дама не найдет в них ничего необычайного, но нам, сельским жителям, это было в диковинку. Она вставала очень поздно и спускалась в гостиную не раньше часа дня; затем ничего не ела, только выпивала чашку шоколада. После этого мы шли на прогулку. Она очень быстро уставала и возвращалась в замок или же присаживалась отдохнуть на скамейку среди деревьев. Однако усталость эта

была чисто телесного свойства; ум ее оставался столь же острым. Она была прекрасной собеседницей, веселой и рассудительной.

Иногда она мимоходом вспоминала родной дом, рассказывала случаи из детства. В ее рассказах возникали люди с диковинными привычками, обычаи, о которых мы ничего не знали. Из этих обрывочных намеков я сделала вывод, что родина ее находится гораздо дальше, чем я представляла вначале.

Однажды днем, когда мы сидели под деревьями, мимо прошла похоронная процессия. Хоронили молодую девушку, которую я хорошо знала, дочь одного из лесничих. За гробом понуро брел убитый горем отец: она была его единственной дочерью. Следом за ним, напевая похоронный гимн, парами шли крестьяне.

Я встала, чтобы почтить память покойной, и вместе со всеми запела похоронный гимн.

Моя спутница резко дернула меня за руку. Я удивленно обернулась.

– Разве не видишь, какие они растрепанные? – сердито бросила она.

– Напротив, я считаю, что это зрелище очень трогательное, – ответила я. Я рассердилась на нее и, кроме того, испугалась, что участники грустной процессии услышат нас.

Я снова запела; Кармила опять перебила меня.

– Твое пение режет мой слух, – заявила она и зажала уши тонкими пальцами. – Кроме того, с чего ты взяла, что мы с тобой принадлежим к одной и той же религии? Ваши обряды вызывают у меня отвращение; ненавижу похороны. Что за нелепость! Ведь и тебе, и мне – всем суждено умереть. После смерти люди становятся только счастливее; так чего тут оплакивать? Пойдем лучше домой.

– Отец ушел на кладбище со священником. Разве ты не знала, что ее хоронят сегодня?

– Я? С какой стати? Я не забиваю себе голову всякими крестьянами. Я ее знать не знаю, – сверкнула глазами Кармила.

– Бедной девушке почудилось, что на нее напало привидение. Это случилось две недели назад; с тех пор бедняжка начала чахнуть и вчера скончалась.

– Только не рассказывай мне о привидениях, а то я не смогу уснуть ночью.

– Надеюсь, ее болезнь не заразна. Отец подозревает, что на нас надвигается мор, – продолжала я. – Всего неделю назад умерла молодая жена свинопаса. Она лежала в постели и жаловалась, что какая-то сила сжимает ей горло и не дает дышать. Отец говорит, такие ужасные симптомы бывают при некоторых формах лихорадки. Всего день назад она прекрасно чувствовала себя. Потом слегла в постель. Не прошло и недели, как бедняжки не стало.

– Ну, надеюсь, ее похороны уже закончились и гимны пропеты. Их неблагозвучие больше не будет терзать наш слух. Оно лишает меня покоя. Сядь со мной, ближе; возьми меня за руку; сожми ее... вот так... крепче...

Мы отошли поглубже в лес, где стояла еще одна скамья.

Кармила села. Я в ужасе смотрела на нее, едва узнавая, так чудовищно переменилась она в один-единственный миг. Лицо ее потемнело и приобрело пугающий мертвенно-бледный оттенок. Она сцепила пальцы, стиснула зубы, нахмурилась и, глядя в землю, дрожала всем телом, как в лихорадке. Она затаила дыхание и напрягала все силы, чтобы справиться с припадком. Наконец из горла ее вырвался судорожный крик, и истерика начала спадать.

– Видишь! Вот что получается, когда людей терзают гимнами, – наконец проговорила она. – Обними меня, обними крепче. Мне уже лучше.

Мало-помалу она овладела собой. Возможно, для того, чтобы сгладить тягостное впечатление, она необычно оживилась и принялась весело болтать. Мы вернулись домой.

Так впервые проявились признаки слабого здоровья, о котором говорила ее мать. Кроме того, я в первый раз увидела, как она сердится.

Однако все невзгоды того дня растаяли, как летнее облачко. В последующем я ни разу не замечала за ней ни малейших проявлений злобы, за исключением одного случая. Расскажу о нем подробнее.

Однажды мы сидели у окна в гостиной. Через подвесной мост во внутренний двор зашел странник, которого я хорошо знала. Обычно он посещал шлосс пару раз в год.

Это был старый горбун. Густая черная борода окаймляла худощавое остроносое лицо, из тех, какие часто можно увидеть у людей с этим физическим недостатком. Он улыбался во весь рот, сверкая белыми клыками. На старике красовалась черно-красная кожаная куртка, исчерченная бесчисленным множеством ремней и перевязей, с которых свисала всякая немыслимая всячина. На правом плече у него висел волшебный фонарь, на левом – два ящика. В одном из них, как я хорошо знала, хранилась саламандра, в другом – мандрагора. Отец всегда смеялся над этими чудищами. Старик искусно соорудил их из высушенных останков обезьян, попугаев, белок, рыб и ежей; выглядели они весьма устрашающе. Еще у него была скрипка, ящик с какими-то колдовскими приспособлениями, пара рапир и масок для фехтования, множество непонятных коробок. В руке он держал черный посох, окованный медными кольцами. По пятам за стариком плелся тощий косматый пес. Возле подвесного моста он присел, подозрительно скосил глаза на замок и вдруг тоскливо завыл.

Доморощенный колдун остановился посреди двора, отвесил церемонный поклон, помахивая старомодной шляпой, и велеречиво поприветствовал нас на чудовищном французском. Впрочем, по-немецки он говорил ненамного лучше. Затем он достал из мешка скрипку и принялся пиликать какую-то бодрую мелодию, фальшиво подпевая и приплясывая. Я невольно рассмеялась, не обращая внимания на собачий вой.

Закончив танец, знахарь взял шляпу в левую руку, зажал скрипку под мышкой и, улыбаясь и раскланиваясь, подошел к окну. Одним духом, не переводя дыхания, он выпалил хвалебную речь своему искусству. Яркими красками он расписывал достижения многочисленных наук, поставленные им лично на службу страждущим, и выражал готовность продемонстрировать все подвластные ему чудеса природы.

– Не изволят ли высокородные леди приобрести амулет, охраняющий от упыря? Я слыхивал, он, подобно волку, рыщет по здешним лесам, – предложил он, швыряя шляпу наземь. – От его укусов люди мрут направо и налево. Мои амулеты действуют безотказно; приколите его к подушке, и можете рассмеяться упырю в лицо.

Амулеты состояли из полосок тонкого пергамента, испещренных таинственными цифрами и значками.

Кармила тотчас же приобрела один амулет; я последовала ее примеру.

Мы улыбались, глядя на пройдоху из окна; меня, по крайней мере, он очень забавлял. Старик поднял голову и взглянул нам в лицо. В пронизательных черных глазах мелькнуло любопытство.

Он проворно расстегнул кожаный саквояж, полный каких-то маленьких стальных инструментов.

– Взгляните сюда, миледи, – возгласил он, обращаясь ко мне. – Помимо других искусств, более или менее полезных, я владею искусством зубоврачевания. Чума разрази этого пса! – вдруг взорвался он. – Смолкни, чудовище! Воеет так, что ваши милости едва меня слышат. У вашей подруги, благородной леди, очень острые клыки, длинные, как шило, тонкие, как иголки. Ай-яй-яй! Я это сразу заметил, глаз у меня острый и наметанный. Верно, такие зубы причиняют юной леди массу хлопот. Но ничего, я вам помогу. Вот здесь у меня пилочка, долото, щипчики; если леди пожелает, я вмиг поправлю ей зубы, сделаю их круглыми и ровными. Ведь негоже такой красивой леди ходить с зубами, как у рыбы. Ай-яй-яй! Юная леди недовольна? Я ее обидел? Сказал что-то не то?

Юная леди и впрямь рассердилась не на шутку. Она отодвинулась от окна.

– Как смеет этот шарлатан вести такие наглые речи? Где твой отец? Почему он не наведет порядок? Мой отец давно привязал бы наглеца к воротам, выпорол кнутом и выжег клеймо до самых костей!

Кармила отошла от окна и опустилась в кресло. Едва старик исчез из виду, гнев ее угас столь же мгновенно, как и вспыхнул. Она заговорила обычным тоном и,

казалось, забыла старого горбуна и его болтовню.

В тот вечер отец был не в духе. Едва ступив на порог, он рассказал печальную новость: заболела еще одна девушка, и все признаки сходны с двумя смертельными случаями, происшедшими не так давно. Захворала сестра молодого крестьянина, жившего в миле от замка. Она, как и предыдущие жертвы, уверяла, что видела привидение; с ней случился приступ удушья, и она начала медленно, но неотвратимо угасать.

- Все эти случаи, - утверждал отец, - имеют вполне рациональное объяснение. Бедняки заражают друг друга своими суевериями; их воспаленному воображению мерещатся те же ужасы, что сгубили их соседей.

- Но воображаемые ужасы пугают сильнее настоящих, - заметила Кармила.

- Как так? - спросил отец.

- Я боюсь даже представить, что увидела привидение; мне кажется, это будет страшнее, чем увидеть его на самом деле.

- Все мы в руках Божьих; ничто не случится помимо Его воли. Он отведет беду от тех, кто в Него верует. Воистину Он наш Создатель. Он нас сотворил и печется о детях Своих.

- Не Создатель о нас печется, а Природа! - заявила Кармила моему благочестивому отцу. - И болезнь, поразившая эту страну, носит совершенно естественный характер. Природа - вот источник и корень всего. Все, что есть в небесах, на земле и под землей, подчиняется законам Природы и ничему иному. Вы со мной не согласны?

Отец немного помолчал.

- Сегодня нас навестит доктор, - сообщил он. - Мне хотелось бы знать, что он об этом думает и что нам посоветует.

- Никогда не видела пользы в докторях, - заявила Кармила.

– А что, ты когда-то болела? – спросила я.

– Куда тяжелее, чем доводилось болеть тебе, – ответила она.

– И давно это было?

– Очень давно. Я страдала той же болезнью, что и эти несчастные девушки. Однако выздоровела и забыла почти все, помню только боль и слабость. Существуют на свете и другие хворобы, куда более мучительные.

– Ты болела в раннем детстве?

– Да, можно сказать и так. Не будем больше об этом. Ты ведь не хочешь обидеть подругу? – Она томно взглянула мне в глаза и нежно обвила рукой мою талию. Мы вышли из комнаты. Отец просматривал у окна какие-то бумаги.

– Почему твой отец так любит нас пугать? – спросила красавица, передернув плечами.

– Что ты, дорогая Кармила, этого у него и в мыслях не было.

– Милая, тебе страшно?

– Я боялась бы куда больше, если бы, подобно этим бедным людям, верила в привидения.

– Ты боишься умереть?

– Разумеется; все боятся смерти.

– А умереть, как влюбленные – вместе, чтобы и за гробом быть неразлучными? Девушки, пока они живут на этом свете, – всего лишь гусеницы; когда наступит лето, они превратятся в бабочек. Но между этими стадиями они будут находиться в обличье куколок, личинок, имеющих собственные пристрастия и потребности. Так утверждает месье Бюффон, его толстая книга лежит в соседней комнате.

Ближе к вечеру приехал доктор. Он закрылся с отцом в кабинете и долго беседовал. Доктор был знатоком своего дела; крепкий старик шестидесяти с небольшим лет, он носил пудренный парик и гладко брил щеки. Когда они вышли из кабинета, отец засмеялся и проговорил:

– Диву даюсь, вы ведь такой разумный человек. Что нового слышно о гиппогрифах и драконах?

Доктор улыбнулся и ответил, покачав головой:

– Тем не менее в жизни и смерти скрыто множество тайн, мы слишком мало о них знаем.

Они вышли, и больше я ничего не услышала. Тогда я не понимала, что имеет в виду доктор, но теперь, кажется, догадываюсь.

Глава 5. Поразительное сходство

В тот же вечер из Граца прибыл сын реставратора картин, угрюмый темноволосый парень. В повозке у него лежали два больших ящика с картинами. От нашего шлосса до Граца, столицы здешних мест, почти десять лиг, и всякий раз по прибытии путника из города все обитатели замка собирались в парадной, чтобы послушать новости.

Приезд сына реставратора наделал в нашем уединенном замке много шума. Ящики остались внизу, а гонец был передан на попечение слуг, накормивших его сытным ужином. Затем, вооружившись молотком, долотом и отверткой, он с помощниками спустился в парадную. Мы с живейшим интересом следили за распаковкой ящиков.

На свет одна за другой извлекались старинные картины, обновленные искусной рукой мастера. Почти все они представляли собой портреты и приобретены были стараниями моей матери, знатной дамы из старинного венгерского рода. Кармила наблюдала за происходящим совершенно равнодушно.

Отец читал по описи названия картин, а сын реставратора вычеркивал соответствующие номера. Не могу судить о художественной ценности этих произведений, но были они, несомненно, очень старыми и довольно занятными. Я видела их, можно сказать, впервые, так как от времени они потемнели настолько, что до реставрации невозможно было разобрать изображения.

– В списке остался еще один портрет, – сказал отец. – В верхнем углу написано имя, насколько я сумел прочесть, «Марсия Карнштайн», и дата: «1698 год». Интересно, что из него получилось?

Я помнила эту картину: небольшого размера, фута полтора в высоту, почти квадратная, без рамы. Изображение скрывалось под толстым слоем пыли и копоти.

Сын реставратора с нескрываемой гордостью извлек картину. Портрет изображал женщину восхитительной красоты; она казалась пугающе живой. Мы отшатнулись: это была вылитая Кармила!

– Кармила, дорогая, вот так чудо! Это же ты, как живая, вот-вот заговоришь. Правда, красиво, папа? Смотри, даже родинка на горле точно такая же.

Отец рассмеялся и произнес:

– Да, сходство поразительное. – К моему замешательству, он был, казалось, совсем не удивлен; он быстро отвернулся и заговорил с сыном реставратора. Юноша, начинающий художник, неплохо разбирался в искусстве и очень толково судил о картинах, возвращенных к жизни его отцом. Я же, глядя на портрет, все больше и больше терялась в догадках.

– Папа, можно, я повешу эту картину у себя в комнате? – спросила я.

– Конечно, милая, – улыбнулся он. – Очень рад, что она тебе нравится. Я и не догадывался, что здесь скрывается такая красота.

Кармила, казалось, не слышит этих восторженных речей. Она откинулась в кресле и, прикрыв глаза длинными ресницами, задумчиво взирала на меня. Поймав мой взгляд, она радостно улыбнулась.

– Теперь мы можем как следует прочесть имя, написанное в углу, – продолжала я. – Вот оно, выведено золотыми буквами. Это не Марсия; здесь написано: «Миркалла, графиня Карнштайн»; сверху – небольшая корона, под ней – дата: 1698 г. от Р.Х. Я в родстве с Карнштайнами: моя мама принадлежала к этому роду.

– Ах! – томно воскликнула Кармила. – Я тоже из Карнштайнов, они мои очень дальние предки. Скажите, жив ли сейчас кто-нибудь из этой семьи?

– Никто более не носит это имя. Род Карнштайнов давно пресекся, последние его представители пали в гражданских войнах; руины их замка находятся неподалеку, всего в трех милях отсюда.

– До чего интересно, – без выражения проговорила Кармила. – Но посмотрите, как красиво сияет луна. – Она выглянула в приоткрытую дверь. – Давай немного погуляем по двору, полюбуемся на дорогу и реку.

– Примерно в такую же ночь ты попала к нам, – сказала я.

Она вздохнула и улыбнулась.

Мы обняли друг друга за талию и вышли на мощный двор.

Не произнося ни слова, мы спустились к подвесному мосту, откуда открывался чудесный вид.

– Значит, ты не забыла ночь, когда это случилось? – еле слышно прошептала моя подруга. – Ты рада, что я здесь?

– Очень рада, милая Кармила, – ответила я.

– И хочешь, чтобы портрет, похожий на меня, повесили у тебя в спальне, – шепнула она и, крепче обняв меня за талию, склонила голову мне на плечо.

– Какая ты романтичная, Кармила, – откликнулась я. – Жаль, что ты не хочешь поведать свою историю. Ручаюсь, в твоей жизни была большая любовь.

Она молча поцеловала меня.

– Да, Кармила, ты была страстно влюблена, и до сих пор твое сердце не успокоилось.

– Я никогда никого не любила и не полюблю, – прошептала она, – кроме тебя.

До чего красивой казалась она в лунном свете!

В глазах ее блеснул странный робкий огонек; она торопливо спрятала лицо у меня в волосах. Задыхаясь и едва не плача, она крепко сжала мою руку дрожащими пальцами.

Я почувствовала на щеке жар ее дыхания.

– Милая, милая, – шептала она. – Вся жизнь моя в тебе. Ты умрешь ради меня. Так суждено. О, как я тебя люблю.

Я отшатнулась.

Кармила взглянула на меня. Из нее словно ушла вся жизнь: глаза потухли, лицо побледнело и ничего не выражало.

– Холодно. Ты не замерзла? – проговорила она, будто в забытьи. – Я вся дрожу. Что со мной, я сплю? Пойдем домой. Пойдем скорее домой.

– Кармила, ты плохо выглядишь. С тобой случился небольшой обморок. Тебе нужно выпить немного вина, – сказала я.

– Да, да, пойдем. Мне уже лучше. Скоро будет совсем хорошо. Да, пожалуй, чуть-чуть вина, – отвечала Кармила. Мы подошли к двери. – Давай постоим еще немного. Может быть, в последний раз я люблюсь лунным светом с тобой.

– Кармила, как ты себя чувствуешь? Тебе правда лучше?

Я испугалась, как бы она не пала жертвой той непонятной эпидемии, что появилась в окрестностях замка.

– Если ты хоть чуть-чуть заболеешь и не дашь нам знать, – добавила я, – папа безмерно огорчится. Неподалеку живет очень опытный доктор; ты его знаешь – он вчера беседовал с папой.

– Не волнуйтесь за меня. Вы очень добры, но поверь, милое дитя, я совершенно здорова. Со мной не случилось ничего страшного, просто небольшой упадок сил. Я от природы очень слаба и быстро утомляюсь; пройти могу не больше, чем трехлетний ребенок. Кровь отливает у меня от головы, и происходит то, что ты сейчас видела. Но силы мои быстро восстанавливаются; смотри, мне уже лучше.

Она в самом деле выглядела значительно бодрее. Мы долго беседовали, Кармила была весела и радушна, и до конца вечера ее страстная одержимость никак не давала о себе знать. Под одержимостью я имею в виду ее безумные речи и взгляды, которые приводили меня в смятение и пугали до глубины души.

Но в ту ночь случилось событие, после которого мысли мои приняли новый оборот. Даже вялая Кармила от страха вышла из состояния своей обычной апатии.

Глава 6. Ночной кошмар

Мы вернулись в гостиную и сели к столу выпить кофе с шоколадом. Кармила ни к чему не прикасалась, однако выглядела вполне здоровой. К нам присоединились мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен; мы составили партию в карты. В это время вошел отец, чтобы выпить, как он говорил, «блюдечко чая».

Когда мы закончили игру, он сел на диван возле Кармиллы и обеспокоенно спросил, не получала ли она известий от матери после ее отъезда.

Она ответила: «Нет».

Тогда он спросил, знает ли она, по какому адресу нужно посылать письма матери.

– Я не могу сказать, – нерешительно ответила Кармила. – Думаю, скоро настанет время расстаться с вашим уютным замком. Вы и без того были слишком добры ко мне; не смею злоупотреблять вашим гостеприимством. Я доставила вам множество хлопот; завтра же я найму экипаж и отправлюсь на почтовых вслед за мамой. Я знаю, где найду ее в конце концов, хоть и не смею пока что открыться вам.

– И думать забудьте о таком безрассудстве, – заявил отец, к моему великому облегчению. – Мы не можем расстаться с вами; я не отпущу вас отсюда, кроме как на попечение вашей матери, которая любезно позволила вам остаться у нас до ее возвращения. Сегодня вечером я получил новые тревожные сведения о болезни, распространяющейся в окрестностях. Ваша матушка поручила вас моим заботам, и я отвечаю за вас. Очень жаль, что вы не завязали с ней переписку. Я был бы рад опереться на ее совет, однако сделаю все, что в моих силах, чтобы уберечь вас от опасности. И говорю вам напрямик: даже не думайте о том, чтобы покинуть нас без ее разрешения. Мы ни за что вас не отпустим.

– Благодарю вас, сэр, тысячу раз благодарю за гостеприимство, – проговорила она, смущенно улыбаясь. – Вы слишком добры ко мне. Мне не часто доводилось испытывать столь полное счастье, как здесь, в чудесном замке, в обществе вашей милой дочери.

Он улыбнулся и со старомодной галантностью поцеловал ей руку.

Я, как обычно, проводила Кармиллу в ее комнату и сидела там, весело болтая, пока она готовилась ко сну.

– Как ты думаешь, – спросила я наконец, – ты когда-нибудь сможешь полностью довериться мне?

Она с улыбкой обернулась, но не ответила.

– Почему ты молчишь? – сказала я. – Не можешь ответить утвердительно? Напрасно я спросила.

– Не жалею ни о чем, моя милая. Я готова все тебе рассказать. До чего же ты мне дорога. Не думай, что я тебе не доверяю. Но я связана обетами, более суровыми, чем монашеские, и до поры до времени не могу рассказать мою историю даже тебе. Однако время близится, ждать осталось недолго, ты узнаешь все. Ты будешь думать, что я жестока, самолюбива. Да, это верно, но таково уж свойство любви: чем она жарче, тем эгоистичнее. Ты не представляешь, до чего я ревнива. Ты полюбишь меня и пойдешь со мной до самой смерти. Можешь меня возненавидеть, но все-таки ты пойдешь со мной, и будешь ненавидеть и в смерти, и потом, за гробом. В моей бесчувственной натуре нет такого слова, как равнодушие.

– Кармила, опять ты болтаешь ерунду, – резко откликнулась я.

– Нет, нет, не обижайся; я всего лишь бедная глупышка, мнительная и капризная. Что ж, если хочешь, я заговорю, как мудрец. Ты когда-нибудь была на балу?

– Нет. Расскажи мне о балах. Там, должно быть, весело?

– Я почти забыла; это было так давно.

Я засмеялась.

– Ты не похожа на древнюю старуху. Вряд ли ты успела забыть свой первый бал.

– Я могу вспомнить почти все, но это очень трудно. В моей памяти я вижу давние события так, как ныряльщик видит все, что происходит над водой – смутно, расплывчато, сквозь прозрачную, но плотную пелену. Потом настала ночь... эта ночь застелила все, картина смешалась, краски поблекли. Меня чуть не убили в постели, ранили вот сюда, – она показала на грудь, – и я никогда больше не стала прежней.

– Ты была близка к смерти?

– Да, это была любовь... странная любовь, жестокая... она едва не лишила меня жизни. Любовь требует жертв. Кровавых жертв. Что ж, пора спать. О, как я устала, нет сил даже встать и запереть дверь.

Она лежала, подложив ладони под щеку, укутанная облаком роскошных волос, и неотрывно следила за мной горящими глазами. На губах ее играла хорошо знакомая мне робкая улыбка, значения которой я никак не могла разгадать.

Я пожелала ей спокойной ночи и тихо вышла. На душе остался неприятный осадок.

Я часто спрашивала себя, молится ли наша очаровательная гостья. По крайней мере, я ни разу не видела ее на коленях. По утрам она спускалась вниз уже после того, как наша семья закончит утренние молитвы, а по вечерам никогда не выходила из гостиной, чтобы помолиться вместе с нами.

В наших беседах она ни разу, даже невзначай, не обмолвилась о том, что когда-то приняла крещение. Я начала сомневаться, принадлежит ли она вообще к христианской церкви. Она никогда не заводила разговора о религии и уходила от моих расспросов. Будь я лучше знакома с обычаями света, такое пренебрежение и даже явная неприязнь к вере вряд ли удивили бы меня.

Люди нервного склада часто заражают своими тревогами окружающих; те со временем волей-неволей перенимают их привычки. Надуманные страхи Кармиллы, ее опасения насчет полуночных грабителей и наемных убийц запали мне в душу, и я тоже стала запираеть на ночь дверь спальни. Я даже начала по ее примеру обыскивать перед сном комнату, дабы убедиться, что туда не забрались разбойники.

Приняв эти меры предосторожности, я легла в постель и крепко уснула. В комнате горела свеча. Я с детства привыкла спать при свете и, даже повзрослев, не могла заснуть в темноте.

Казалось, ничто не могло потревожить мой сон. Однако для сновидений не существует преград: они являются, когда захотят, проходят сквозь каменные стены, озаряют темные комнаты, а освещенные погружают во мрак.

Той ночью мне приснился сон, положивший начало долгой изнурительной болезни.

Вряд ли это можно назвать бредом, потому что я хорошо сознавала, что сплю. Но я видела, что нахожусь у себя в комнате и лежу в постели. Обстановка была

такой же, как вечером, когда я ложилась в постель, за исключением единственной детали: в спальне стояла непроглядная тьма. В ногах моей постели двигалась какая-то смутная тень. Сначала я никак не могла ее разглядеть, но затем глаза мои различили зверя, черного, как сажа, похожего на чудовищную кошку. Она растянулась на коврик у камина и накрыла его почти целиком; значит, в ней было не меньше четырех-пяти футов. Исполненная дикой грации, она беспокойно кружила по комнате, как дикий зверь в клетке. Я похолодела от ужаса, но крик застрял у меня в горле. Кошка заметалась быстрее, в комнате стало совсем темно. Теперь я не различала ничего, кроме ее горящих глаз. Широко распахнутые, они надвигались на меня, приблизились к самому лицу... и вдруг грудь мою пронзила острая боль, как будто в кожу на расстоянии дюйма друг от друга глубоко вонзились две иголки. Я завизжала и проснулась. В комнате по-прежнему горела свеча. Ее свет выхватывал из темноты женскую фигуру, стоящую у изножья кровати. На ней было просторное темное платье, густые волосы облаком окутывали плечи. Она стояла неподвижно, как каменная статуя. Казалось, она даже не дышит. Под моим взглядом женщина чуть переместилась. Дверь распахнулась, и незнакомка исчезла.

Я вздохнула с облегчением. Первой моей мыслью было, что я забыла запереть дверь, а Кармила решила сыграть со мной шутку. Я поспешила к двери – она была, как обычно, заперта изнутри. У меня не хватило духу открыть ее. Я прыгнула в постель, залезла с головой под одеяло и до утра лежала ни жива ни мертва.

Глава 7. Я медленно угасаю

Не могу передать, с каким ужасом до сих пор вспоминаю события той ночи. Это не был мимолетный трепет, какой оставляют после себя дурные сны. Страх становился все глубже, пропитывал собой комнату; даже стены напоминали о видении.

Весь следующий день я боялась хоть на минуту остаться одна. Следовало бы рассказать о случившемся отцу, но меня удерживали два соображения. Во-первых, я думала, что он посмеется над моим рассказом; с другой стороны, боялась, что он решит, будто на меня напала та же неведомая хвороба, что

свела в могилу многих наших соседей. Я-то хорошо отдавала себе отчет, что происшествие не имеет ничего общего с болезнью, однако здоровье отца с некоторых пор пошатнулось, и я не хотела напрасно беспокоить его.

Я рассказала о случившемся моим добрым подругам, мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен. Они принялись утешать меня; по их мнению, я просто переволновалась накануне. Тогда я открыла им все, что давно бередило мне душу.

Мадемуазель де Лафонтен посмеялась над моими страхами, но мадам Перродон, всегда такая неунывающая, заметно встревожилась.

– Кстати, – заметила, смеясь, мадемуазель, – помните длинную липовую аллею под окнами спальни Кармиллы? Так вот, там гуляют привидения!

– Чушь! – заявила мадам, считавшая, что сейчас не самое подходящее время для таких разговоров. – Кто вам сказал?

– Мартин. Он дважды вставал до рассвета, чтобы починить старые ворота, и оба раза видел, как по аллее под липами гуляет такая же самая женская фигура.

– Что ж, вполне может быть. Служанки ходят по этой аллее доить коров, что пасутся у реки.

– Я так ему и сказала. Но он все-таки утверждает, что видел призрак, и дрожит как осиновый лист.

– Только не рассказывайте об этом Кармилле, эта аллея хорошо видна из окон ее комнаты, – перебила я. – Она ужасно боится привидений.

В тот день Кармилла спустилась в гостиную даже позже обычного.

– Этой ночью я перепугалась до смерти, – заявила она, едва мы остались одни. – Меня спас лишь талисман, купленный у несчастного горбуна. Бедняжка, я так несправедливо его отругала! Мне приснилось, что у постели кружит какая-то черная тень. Я в ужасе проснулась, и на минуту мне почудилось, что у камина стоит темная фигура. Я нащупала под подушкой талисман, и в тот же миг

фигура исчезла. На меня давила незримая тяжесть, словно в комнату хочет проникнуть нечто чудовищное; если бы не талисман, оно задушило бы меня, как тех несчастных, о которых мы слышали.

- А теперь послушай, - начала я и рассказала все, что случилось со мной. Глаза ее округлились от ужаса.

- Талисман был с тобой? - испуганно спросила она.

- Нет, я положила его в фарфоровую вазу в гостиной, но этой ночью, раз ты так в него веришь, обязательно возьму с собой в постель.

Сейчас, по прошествии времени, я не могу понять, как у меня в ту ночь хватило духу лечь спать одной. Хорошо помню, что приколола амулет к подушке. Я мгновенно заснула и спала всю ночь даже крепче обычного.

Следующая ночь тоже прошла спокойно. Спала я на удивление крепко и без сновидений. Но наутро испытывала непонятную вялость и тоску, впрочем, такую слабую, что она казалась почти приятной.

- Ну, что я тебе говорила, - ответила Кармила, когда я описала ей свой крепкий сон. - Этой ночью я приколола талисман к ночной рубашке на груди и тоже спала совершенно спокойно. Прошлой ночью он лежал слишком далеко. Уверена, все это нам примерещилось. Кроме снов. Раньше я считала, что сны насылают злые духи, но наш доктор разуверил меня. Он утверждает, что кошмары вызываются лихорадкой и другими болезнями; проходя мимо, они стучатся в нашу дверь, но, не сумев проникнуть, идут дальше, оставляя за собой дурные сновидения.

- А что, по-твоему, представляет из себя амулет?

- Его окурили или пропитали каким-то лекарством, он предохраняет от малярии, - ответила она.

- Значит, он воздействует только на тело?

– Разумеется; не думаешь же ты, что эти ленточки или аптечные запахи всерьез напугают злых духов? Нет, хворобы, витающие в воздухе, в первую очередь поражают наши нервы, отравляют мозг. Противоядие справляется с ними прежде, чем они полностью овладеют телом. Вот в чем заключается волшебная сила талисмана. Никакого колдовства, все объясняется естественными причинами.

Поверь я Кармилле до конца, мне стало бы куда легче; однако чем больше я размышляла над ее объяснением, тем меньше оно меня удовлетворяло.

Несколько ночей я спала крепко, без сновидений, однако наутро чувствовала себя очень слабой. Упадок сил преследовал меня целый день. Я чувствовала, что со мной что-то происходит. Меня снедала непроходящая грусть. Временами наплывали мрачные мысли о смерти. Я ощущала, что медленно гибну, и нельзя сказать, что эта мысль была мне очень неприятна. На сердце у меня было печально, но печаль эта казалась необъяснимо сладкой, и душа моя радостно отдавалась ей.

Мне не приходило в голову, что я больна, я ни за что не согласилась бы рассказать о своих тревогах отцу или послать за доктором.

Кармилла начала проявлять ко мне гораздо больше внимания. Непонятные приступы томного обожания становились все чаще. Чем слабее я становилась душой и телом, тем чаще ловила на себе восторженный взгляд. Я отшатывалась от нее, как от безумной.

Сама того не подозревая, я страдала от самой загадочной из известных людям болезней и находилась уже на довольно запущенной стадии. Первые симптомы таили в себе неизъяснимое блаженство; очарованная ими, я не замечала, что все больше теряю силы. До поры до времени это очарование нарастало; достигнув определенной точки, оно начало окрашиваться смутными предчувствиями чего-то ужасного. Предчувствия эти становились все глубже, отчетливее и наконец в корне изменили весь уклад моей жизни.

Поначалу перемены эти не вызывали у меня тревоги. Я приближалась к высшей точке, за которой начинался спуск в преисподнюю.

Во сне меня преследовали странные трудноуловимые ощущения. Самым отчетливым из них была приятная прохладная дрожь, какую мы испытываем, обратясь грудью против течения реки, когда ласковые струи омывают тело. Вскоре к ней присоединились нескончаемые сны, такие смутные, что я не могла вспомнить даже крохотный обрывок содержания. Но впечатление от них оставалось тягостное, я просыпалась в изнеможении, словно истерзанная долгими муками, телесными и душевными. Наутро в памяти оставались лишь бессвязные силуэты какой-то темной комнаты, людей, с которыми я разговаривала, не различая лиц. Особенно запомнился мне женский голос, глубокий и нежный, он звучал издали, навевая ощущение несказанной торжественности и ужаса. Иногда мне казалось, что щеку и шею нежно гладит невидимая рука. Меня целовали горячие губы; поцелуи покрывали лицо, становясь все жарче, спускались к горлу и там застывали. Сердце мое билось все чаще, дыхание распирало легкие, грудь тяжело вздымалась, из горла вырывались всхлипы, я задыхалась и под конец начинала корчиться в страшных судорогах. Затем чувства покидали меня, и я проваливалась во мглу.

С начала моей неведомой болезни прошло три недели. Ночные страдания отразились на моем лице. Я побледнела, под глазами появились темные круги, вялость, которую я ощущала уже давно, начала проявлять себя в движениях.

Отец часто спрашивал, не заболела ли я; но с упрямством, объяснение которому нашлось значительно позже, я настаивала, что со мной все в порядке.

В некотором смысле это было верно. Я не испытывала боли, не могла пожаловаться на какой-либо телесный недуг. Нездоровье, считала я, вызвано игрой воображения, расстройством нервов; с патологическим упрямством я держала свои невыносимые страдания в глубокой тайне.

Я не связывала свою болезнь с той напастью, которую крестьяне называют «упырь», ибо слышала, что те, кого он посетит, погибают в ужасных мучениях через три дня, а мое недомогание длилось уже третью неделю.

Кармила тоже жаловалась, что ее преследуют дурные сны и терзает лихорадка, но нимало не тревожилась из-за этого. Мое же состояние весьма беспокоило меня. Будь я способна понять, насколько тяжело мое расстройство на самом деле, я бы на коленях молила о помощи. Но чуждое влияние, о котором я не подозревала, одурманивало меня, чувства мои притупились.

Теперь я расскажу вам сон, за которым последовали очень странные события.

Однажды ночью далекий голос, который я привыкла слышать в темноте, внезапно смолк; вместо него зазвучал другой, тихий и нежный, но вместе с тем грозный. Он произнес: «Я, твоя мать, предостерегаю: замышляется убийство!» Вспыхнул свет, и я увидела в ногах кровати Кармиллу. Ее белая ночная рубашка была от воротника до пола залита кровью.

Я с криком проснулась. В голове вертелась единственная мысль: Кармиллу убивают. Я вскочила с постели и, не помню как, очутилась в коридоре, взывая о помощи.

На крик из комнат выскочили мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен. Зажгли лампу; я рассказала о пережитом ужасе.

По моему настоянию мы стали стучать в дверь Кармиллы. На стук никто не ответил. Мы принялись колотить сильнее, звали ее, но все было напрасно.

Нам стало страшно: дверь была заперта. В панике мы помчались в мою комнату и долго дергали за шнурок звонка. Мы хотели позвать на помощь отца, но, увы! его комната находилась в другом крыле, и он ничего не слышал, а у нас не хватило смелости идти к нему через весь замок.

Вскоре по лестницам забегали слуги. Я успела накинуть халат и сунуть ноги в шлепанцы; спутницы мои были одеты точно так же. Узнав голоса слуг, мы решились приоткрыть дверь. Затем предприняли совместную вылазку и снова, столь же безуспешно, долго стучались в дверь Кармиллы. Наконец я приказала мужчинам сломать замок. Дверь распахнулась, и мы, высоко подняв лампу, остановились на пороге.

Мы долго окликали ее, но ответа не было. Осмотрели комнату – все вещи лежали на своих местах. Обстановка была точно такой же, как накануне вечером, когда я пожелала подруге спокойной ночи. За исключением одного: Кармилла исчезла.

Глава 8. Поиски

При виде комнаты, куда явно не заходили разбойники, мы немного успокоились и, собравшись с духом, даже разрешили мужчинам уйти. Мадемуазель предположила, что, может быть, Кармила испугалась нашего бешеного стука в дверь, вскочила с постели и спряталась в стенном шкафу или за занавеской, откуда, разумеется, не могла выйти, пока не уйдут мажордом и прислужники. Мы принялись обыскивать комнату.

Поиски наши ничего не дали. Мы совсем растерялись. Осмотрели окна, но ставни были заперты изнутри. Я увещевала Камиллу прекратить эту жестокую шутку и выйти из укрытия, но никто мне не ответил. Я убедилась своими глазами, что ее нет ни в спальне, ни в гардеробной, дверь которой по-прежнему была заперта с нашей стороны. Она никак не могла выйти через нее. Я не знала, что и думать. Может быть, Кармила обнаружила забытый потайной ход из тех, о которых рассказывала старуха-экономка? По ее словам, таких ходов немало в замке, но никто не помнит, где именно они расположены. Но я не испугалась – пройдет немного времени, и все объяснится само собой.

Миновало четыре часа утра; я решила дожидаться рассвета в комнате мадам Перродон. Наступивший день отнюдь не приблизил нас к разгадке.

Наутро все домочадцы с отцом во главе в панике рыскали по замку. Мы тщательно обыскали все уголки замка, осмотрели сад. Нигде не было ни следа исчезнувшей девушки. Собирались уже обшарить шестью ручей. Отец был вне себя: что он скажет матери бедной девушки, когда та вернется? Я тоже переживала, хотя горе мое было несколько иного свойства.

Так, в тревоге и волнении, прошло утро. Близился второй час дня, а мы ничего не успели выяснить. Я поднялась в комнату Кармиллы – она, как ни в чем не бывало, стояла у туалетного столика. Я онемела. Она жестом подозвала меня. Лицо ее было испуганным.

Я радостно подбежала к ней, обняла и осыпала поцелуями. Потом принялась изо всех сил дергать за звонок, чтобы сообщить добрую новость всем остальным.

– Кармила, дорогая, что с тобой приключилось? Мы чуть с ума не сошли от страха, – воскликнула я. – Где ты была? Как сюда попала?

– Этой ночью со мной творились чудеса, – произнесла она.

– Ради Бога, объясни, что все это значит?

– Часа в два ночи, – сказала она, – я, как обычно, легла в постель, заперев предварительно обе двери: в гардеробную и в коридор. Спала я крепко, без сновидений, но только что проснулась на диване в гардеробной. Дверь была сломана. Как я там очутилась, ума не приложу, ведь я сплю очень чутко. Почему я не проснулась, когда разбойники выламывали дверь? И каким образом меня перенесли с кровати на диван, не потревожив мой сон?

В комнате собрались отец, мадам Перродон, мадемуазель де Лафонтен и слуги. Кармиллу засыпали приветствиями и расспросами. Но она, казалось, менее всех была способна объяснить, что произошло.

Отец задумчиво прохаживался по комнате. Я заметила, что Кармила украдкой пристально поглядывает на него.

Отец отослал слуг, мадемуазель де Лафонтен удалилась поискать бутылочку валерьянки и нюхательную соль. В комнате с Кармиллой остались отец, мадам Перродон и я. Отец подошел к Кармилле, ласково взял ее за руку и усадил на диван.

– С вашего позволения, детка, рискну высказать одно предположение.

– Не могу вам отказать, – ответила она. – Спрашивайте о чем угодно, я расскажу все, что знаю. Но мне нечего сообщить; я ничего не помню, кроме темноты и сумятицы. Задавайте любые вопросы. Но, разумеется, вам известны пределы моей откровенности, установленные мамой.

– Разумеется, дитя мое. Я не буду касаться темы, о которой вы должны молчать. Итак, прошлой ночью случилась загадочная история: вас, не разбудив, подняли с постели и вынесли из комнаты, при этом ставни на окнах были закрыты и обе двери заперты изнутри. Я выскажу вам свои предположения, но сначала будьте

добры ответить на один вопрос.

Кармила удрученно склонила голову. Мы с мадам Перродон слушали, затаив дыхание.

– Я хочу спросить вот о чем. Замечалось ли когда-нибудь за вами хождение во сне?

– Нет, со времен раннего детства я этим не страдаю.

– Но в детстве вы ходили во сне?

– Да. Моя няня часто рассказывала об этом.

Отец с улыбкой кивнул.

– С вами произошло вот что. Вы встали во сне, отперли дверь, но не оставили ключ в замке, как обычно, а взяли его с собой и заперли дверь снаружи. Затем вытащили ключ из замка и скрылись с ним в одной из двадцати пяти комнат на этом этаже, а может быть, поднялись или спустились по лестнице. В нашем замке столько комнат и чуланов, что на тщательный обыск потребуется не меньше недели. Понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю, но не совсем, – ответила она.

– Хорошо, папа, но как ты объяснишь, почему она очнулась на диване в гардеробной, хотя мы внимательно все обыскали?

– Она вернулась туда, по-прежнему во сне, после вашего обыска, а затем внезапно проснулась и увидела, что лежит в гардеробной и рядом никого нет. Желал бы я, чтобы все тайны объяснялись так же легко, – закончил он, смеясь. – Итак, мы можем поздравить себя с тем, что нашли этому происшествию вполне естественное объяснение; как видим, отравители, взломщики, разбойники и ведьмы здесь ни при чем, и вам, Кармила, как и всем остальным, не стоит тревожиться за свою жизнь.

Кармила была прелестна. На щеках ее играл очаровательный румянец. Грациозная томность, присущая только ей, лишь подчеркивала ее красоту. Она дышала здоровьем; отец сравнил про себя ее розовые щечки с моими, увядшими и бледными, и со вздохом заметил:

– Что-то моя бедная Лора стала хуже выглядеть.

Итак, ночное происшествие закончилось благополучно. Кармила снова была с нами.

Глава 9. Визит доктора

Кармила и слышать не хотела, чтобы в комнате с ней спала служанка. Отец нашел выход из положения: горничная должна была оставаться на ночь в коридоре у ее дверей и в случае повторения ночной прогулки остановить беглянку на пороге.

Ночь прошла без приключений. Наутро приехал доктор; оказывается, отец, не сказав мне ни слова, вызвал его, чтобы он осмотрел меня.

Мадам Перродон спустилась со мной в библиотеку. Там ждал доктор, тот самый, которого я уже описывала, солидный старичок в очках и пудреном парике. Мы остановились в нише у окна.

Я подробно описала ему все симптомы моего нездоровья. Слушая меня, доктор становился все мрачнее и мрачнее.

Когда я закончила рассказ, он прислонился к стене и очень серьезно взгляделся в мое лицо. В глазах его сквозил ужас.

Погрузившись на минуту в раздумье, он спросил мадам Перродон, может ли увидеться с моим отцом.

За ним тотчас же послали. Входя в библиотеку, отец с улыбкой заметил:

– Осмелюсь предположить, доктор, что вы сейчас заявите: зачем ты, старый дурак, посылал за мной? Очень надеюсь это услышать.

Однако при виде мрачного лица доктора его улыбка мгновенно погасла.

Они скрылись в той же нише, где я только что беседовала с врачом. Разговор, видимо, шел серьезный; мужчины о чем-то горячо спорили. Мы с мадам Перродон, сгорая от любопытства, остановились в дальнем конце просторной комнаты. Говорили они очень тихо, и до нас не доносилось ни слова. Глубокая ниша полностью скрывала доктора из виду и приглушала голоса.

Через минуту отец обернулся к нам. Лицо его побледнело, он глубоко задумался и, как мне показалось, был чем-то напуган.

– Лора, дорогая, подойди на минуту сюда. Мадам, мы, по совету доктора, пока не станем вас беспокоить.

Я подошла, не особенно тревожась, потому что, несмотря на слабость, не чувствовала себя больной. По всеобщему заблуждению, нет ничего легче, чем вовремя собраться с силами; стоит только захотеть, и они появятся сами собой.

Отец протянул мне руку и, не сводя глаз с доктора, произнес:

– Несомненно, все это очень странно. Я ничего не понимаю. Лора, дорогая, послушай, что скажет доктор Шпильсберг, и постарайся как следует все вспомнить.

– Вы упоминали, что в ночь, когда вам впервые приснился страшный сон, испытали острую боль, словно в шею вонзились две иглы. Это место все еще болит?

– Совсем не болит, – ответила я.

– Вы можете точно показать пальцем место, где возникла боль?

– Вот здесь, чуть ниже горла, – показала я.

На мне было утреннее платье, высоко закрывавшее шею.

- Теперь мы сможем разрешить ваши сомнения, - сказал доктор. - Не возражаете, если отец немного опустит ворот вашего платья? Необходимо установить симптомы заболевания.

Я согласилась. Болезненная точка находилась всего в паре дюймов ниже воротника. Отец побледнел.

- Помилуй Господи! Вот оно, - воскликнул он.

- Теперь вы убедились собственными глазами, - с мрачным удовлетворением заметил доктор.

- Что там такое? - спросила я. Мало-помалу меня начал охватывать страх.

- Ничего страшного, дорогая леди, всего лишь небольшой синяк величиной с кончик вашего пальца. А теперь, - он повернулся к отцу, - вопрос стоит так: что нам следует предпринять?

- А это опасно? - с трепетом спросила я.

- Уверяю вас, милая, ничуть не опасно, - ответил доктор. - Вы обязательно поправитесь. И здоровье ваше начнет улучшаться немедленно. Скажите, ощущение удушья исходит именно из этой точки?

- Да, - ответила я.

- И - вспомните как можно точнее - именно здесь возникает чувство, которое вы описывали? Легкая прохладная дрожь, словно вы плывете против течения реки?

- Да, пожалуй, так.

- Ну что, видите? - Он снова повернулся к отцу. - Могу я поговорить с мадам Перродон?

– Разумеется, – ответил отец.

Он подозвал мою добрую гувернантку:

– Наша уважаемая подруга очень неважно чувствует себя. Надеюсь, последствия не будут слишком серьезны, однако необходимо срочно принять определенные меры. Прежде всего, мадам, ни на минуту не позволяйте Лоре оставаться одной. Пока что это моя единственная рекомендация. Чуть позже я дам более подробные указания.

– Мадам, я знаю, на вас можно положиться, – добавил отец.

Мадам Перродон горячо кивнула.

– И ты, дорогая Лора, тщательно соблюдай указания доктора.

– Попрошу вас, доктор, высказать свое мнение о состоянии здоровья еще одной пациентки. Симптомы ее весьма напоминают жалобы моей дочери, однако выражены значительно слабее. Эта пациентка – юная леди, наша гостья. Вы сказали, что вечером будете проезжать мимо нашего замка. Разрешите пригласить вас на ужин, там вы сможете увидеться с этой девушкой. Она не встает с постели раньше полудня.

– Благодарю, – сказал доктор. – Я буду в замке около семи вечера.

Доктор повторил мне и мадам свои указания и откланялся. Отец пошел проводить его. Выглянув в окно, я увидела, как они, увлеченно беседуя, прохаживаются по зеленой лужайке между дорогой и рвом.

Доктор не вернулся. Он сел на лошадь, распрощался с отцом и поскакал через лес на восток. В то же время с противоположной стороны, где находилась деревня под названием Дранфельд, показался почтальон. Он спешил и вручил отцу пакет с письмами.

Тем временем мы с мадам Перродон увлеченно обсуждали единственное указание доктора. Почему мужчины так настаивали на его безоговорочном выполнении? Позже мадам призналась, что при этих словах похолодела от

ужаса: ей подумалось, что доктор боится внезапного приступа, вследствие которого я могу серьезно пострадать или даже лишиться жизни.

Ее опасения не вызвали у меня тревоги; по моему мнению, доктор просто желал, чтобы рядом со мной всегда была наставница, которая не позволит мне переутомляться, есть неспелые фрукты и делать массу других глупостей, к которым так склонна молодежь.

Через полчаса вернулся отец. Он протянул мне конверт.

- Это письмо от генерала Шпильсдорфа; оно задержалось в пути. Генерал должен приехать со дня на день.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Купить: https://telnovel.me/ru/le-fanyu_dzhozef-sheridan/48400-karmilla

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)